

- Kurtz D. C., Boardman J. 1971. Greek burial customs. London and Southampton.
- Lang Fr., Schwandner E.-L., Funke P., Kolonas L., Jahns S., Vott A. 2007. Interdisziplinäre Landschaftsforschungen im westgriechischen Akarnanien / Berichte zu Surveykampagnen 2000-2002 sowie zu den paläobotanischen und paläogeographischen Forschungen auf der Plaghiá-Halbinsel // Archäologischer Anzeiger. 1. Halbband.
- Leroux G. 1892-1894. Peplos // Daremberg Ch., Saglio Ed. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines. Paris. T.IV. P.I.
- Morintz S., Roman P. 1969. Un nou grup hallstattian timpurii în sud-vestul României – Insula Banului // SCIV. T.XX. №3.
- Moscalu E. 1983. Ceramica traco-getica. București.
- Papadopoulos S. 2001. The «Thracian» Pottery of South-East Europe: a Contribution to the discussion on the Handmade Pottery Traditions of the Historical Period // BSA. №96.
- Preda C. 1959. New aspect of early Latene epoch in Dacia discovered at Alexandria // Dacia. N.S. III.
- Preda C. 1961. Saturile de la Alexandria // MCA. VII. București.
- Simion G. 1997. Le site de Celic-Dere. Interprétations ethno-culturelles et implications dans la chronologie du Hallstatt final // Premier âge du fer aux bouches du Danube et dans les régions autour de la Mer Noire. Tulcea.
- Solovyov S.L. 1999. Ancient Berezan. Leiden / Boston / Köln.
- Truhelka B. 1904. Die Necropole der Pfahlbauer von Donja Dolina // WMBH. IX. Viena.
- Vasić R. 1982. Ein Beitrag zu den Doppelnadeln im Balkanraum // Prähistorische Zeitschrift. 57.
- Vasić R. 1999. Die fibeln in Zentralbalkan // PBF. Abt.XIV. Bd.12. Stuttgart.
- Vulpe A. 1962. Traci și iliri la sfârșitul primei epoci a fierului în Oltenia // SCIV. T.XIII. №2.

SUMMARY

This article is dedicated to spread of two-shank pins in the North-Western Black Sea area. The earliest pins come from a pit investigated in *Borysthenes* and from an ancient Greek burial complex on the *Nikonion chora*. These finds points that initially "Illyrian shaped" pins appeared evidently in Greek settlements. From Berezan they were apparently delivered to forest-steppe zone.

The author examines two possible ways of appearance of these artefacts in the North-Western Black Sea colonies. The first is by way of trade (import of pieces from Phrygia or Balkans — Greece, Macedonia, Illyria); the second — with some barbarian group of cultural tradition-carriers (perhaps, thraco-illyrian origin) which following the Greeks from the North-Eastern Dobrudja cities (Istria) arrived to the Greek settlement of Borysthenes and one of Nikonion. In spite of the fact that the first conception is more traditional and demonstrable, the author gives her attention to the hypothesis of migration, not popular and hard to prove. The guess route — through the Thracian hinterland and Western Pontic colonies to the colonies on the North-Western Black Sea Coast — may explain the absence of two-shank pins in the area to the East of Dnieper.

«ЖЕЛЕЗНЫЙ ПРЕДМЕТ» ИЗ ОКНИЦЫ, «КЛАД» ИЗ БУЗЭУ И САРМАТЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

За прошедшие полтора десятка лет в целом ряде работ румынских исследователей, где изучаются сарматские древности, известные к западу и юго-западу от р. Прут, наметилась очевидная ревизия хронологии этих памятников, с явным «креном» в сторону удреждения нижней даты последних (Bichir 1993: 135-169; Harhoiu 1993: 41-51; Сырбу, Быркэ 2000: 243-263; Бабеш 2003-2004: 474). Нисколько не претендуя на окончательную оценку данной ревизии поскольку, это, несомненно, составляет предмет отдельной и серьезной дискуссии, отметим лишь, что в целом она представляется не только правомерной, но и к тому же, достаточно обоснованной. Среди археологических материалов, нашедших свое отражение в отмеченных работах, чрезвычайный интерес вызывают некоторые отдельные вещи, обнаруженные на дакийских поселениях — *dava*, исследованных вблизи г. Пояна и в Окнице (см.: Сырбу, Быркэ 2000: 249-252, рис.12, 1,3; Бабеш, 2003-2004: 468-472, рис.1; 2,1). Эти находки, на наш взгляд, имеют самое прямое отношение к истории сарматов вполне определенного региона, а именно — Северо-Западного Причерноморья. В первом случае речь идет об изделии из кости, на котором имеется изображение тамги сарматского царя Фарзоя (рис.1,1), во втором — о позолоченном железном изделии, которое своей формой, с максимальной точностью повторяет тамгу еще одного сарматского царя Инисмея (рис.1,2). М. Бабеш оправданно полагает, что «железное изделие» из Окницы, выполненное в форме тамги царя Инисмея, могло быть накладкой, крепившейся на какой-то предмет вооружения или снаряжения коня, которая, в свою очередь, должна была подчеркивать собой как престижность самой вещи, так и особый социальный статус ее хозяина. По мнению автора, факт наличия этого

украшения дает основания предполагать возможность существования между даками и сарматами в I в. н.э. достаточно тесных дружественных отношений на самом высоком политическом уровне (Бабеш 2003-2004: 469, 479). Соглашаясь с вполне справедливыми выводами румынского исследователя, хотелось бы заметить в то же время, что данные предполагаемые отношения в рамках второй половины указанного периода, и даже самого начала следующего столетия, представляется возможным не только несколько уточнить и конкретизировать во времени, но и наполнить до некоторой степени определенной динамикой.

Как известно, сарматские басилевсы Фарзой и Инисмей, установившие в I в. н.э. протекторат над Ольвией, чеканили в этом античном полисе свою золотую и серебряную монету, соответственно. Согласно блестящим разработкам П.О. Карышковского, первый год правления Фарзоя приходится на 48-49 гг. В 54-55 гг. — на седьмой год правления Фарзоя, были выпущены первые золотые монеты этого царя. На 58-68 гг. приходится перерыв в чеканке золотых монет Фарзоя, которая возобновляется в 68-69 гг. — на 21 году его правления. В 70-х годах чеканятся последние монеты Фарзоя, а монеты Инисмея приходятся на время близкое к 80 г. н.э. (Карышковский 1962: 102-121). Исследователем также было акцентировано внимание на совпадении дат начала перерыва в чеканке золотых монет Фарзоя и первых действительных акций наместника провинции Мезия Тиберия Плавтия (Карышковский 1962: 120, 121). Выводы П.О. Карышковского нашли полную поддержку в исследованиях М.Б. Щукина, который обоснованно связал их с масштабными событиями военно-политического характера, имевшими место между концом 40-х и концом 60-х гг. I в. н.э. на

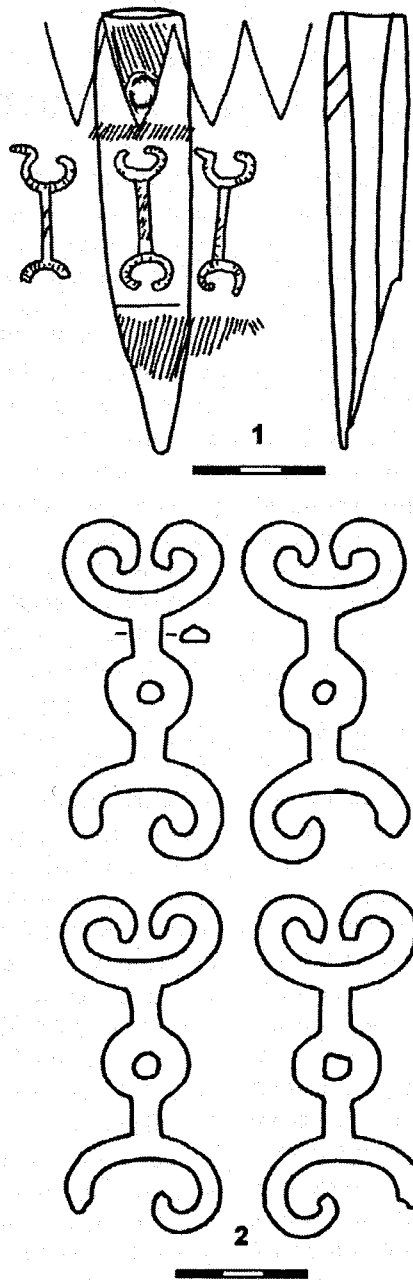

Рис.1: 1 — костяное изделие с изображением тамги Фарзоя (Пояна);
2 — позолоченное железное изделие, изготовленное в форме тамги
Инисмея (Окница) (по: Сырбу, Быркэ 2000; Бабеш 2003-2004).

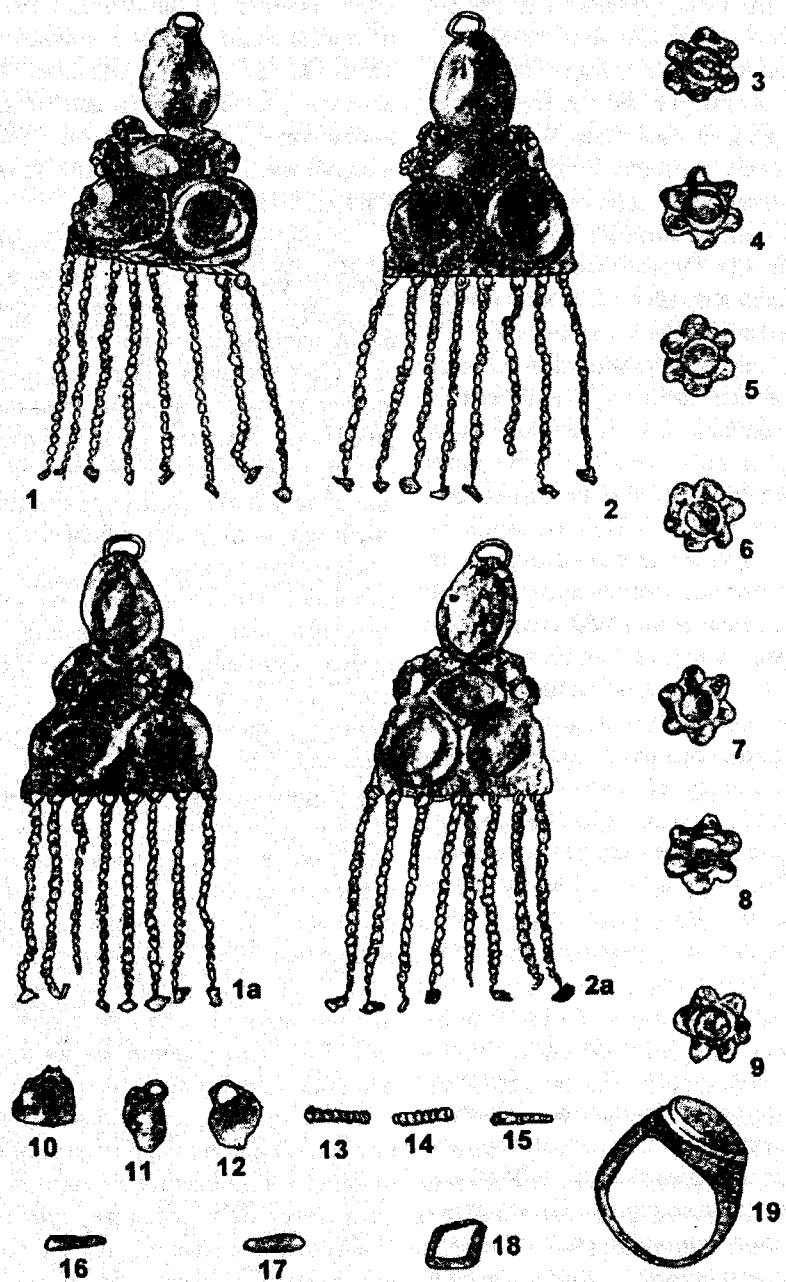

Рис.2. «Клад» из Бузэу (по: Harhoiu 1993)

огромной территории — от Прикубанья на востоке до Среднего Подунавья на западе (Шукин 1982: 35-38). В последующих работах, посвященных рассматриваемому вопросу, П.О. Карышковский несколько пересмотрел свои более ранние идеи и пришел к заключению, что первая эмиссия золотых статеров с датами приходится на конец 50-х либо самое начало 60-х гг., а последние монеты Фарзоя были выпущены до 82 г. Кроме того, исследователем был сведен практически к минимуму десятилетний перерыв в чеканке монет Фарзоя, первоначально намеченный им и связываемый автором с действиями Плавтия Сильвана (см.: Карышковский 1982: 15-22; он же 1982а: 70-73). Однако следует заметить, что эти не менее обстоятельные разработки П.О. Карышковского также категорически не отрицают возможности установления протектората Фарзоя над Ольвией в 49-50 гг. или 52-55 гг.; датировки первого золота Фарзоя 55 г. или 55-56 гг.; существования перерыва в чеканке монет Фарзоя, хотя и более короткого по продолжительности, между 62-69 гг. или между 62 и 66-67, 68-69 гг. либо между 62 и 68-69, 69-70 гг., наконец, отнесения выпуска последних монет Фарзоя к 79 г. или 79-80 гг., что и было продемонстрировано в сравнительно недавно вышедших обобщающих работах. Монеты же Инисмея, согласно последним, чеканились в пределах 80-83 гг. (см.: Шукин 1994: 212-218, рис.73; Дзиговский 2003: 88-94, 124, рис.18). Таким образом, период протектората Фарзоя над Ольвией и, соответственно, время правления данного царя могут определяться 50 – 79-80 гг., а его возможного наследника Инисмея — 80-83 гг., следовательно, предполагаемые дружественные отношения между даками и сарматами на самом высоком политическом уровне должны тогда приходиться именно на этот хронологический промежуток. На первый взгляд, они видятся логичным продолжением тех союзнических отношений, которые, возможно, были установлены между даками и сарматами еще во времена Августа, когда Мезия в

7 г. н.э. подверглась нападению «даков и савроматов» (Cassii Dionis Cocceiani 1752: 803; также см.: Колосовская 1973: 55), и не прерывавшимися и в дальнейшем, при Тиберии, в конце правления которого, вероятно, в 35 г. опять все та же Мезия вновь подверглась «опустошению даками и сарматами» (Гай Светоний Транквилл // Латышев 1904: 256).

Казалось бы, в связи с занимаемой нас проблемой, на этом, с полным основанием, можно было поставить и точку, если бы не одно немаловажное обстоятельство вот какого порядка. В тексте посмертной надписи, высеченной на мавзолее Тиберия Плавтия Сильвана в Тибуре, в частности, повествуется о том, что он, занимая должность наместника провинции Мезия, «перевел на этот берег более чем сто тысяч из числа трансданувианов для уплаты налогов с женами и детьми и с их предводителями или царями; подавил начинающееся движение сарматов, хотя большую часть войска послал в экспедицию в Армению; ...царям бастарнов и роксоланов сыновей, царю даков — брата, пленных или вырванных у врагов он возвратил; ...этим мир провинции и укрепил и расширил; причем царь скифов был отогнан от осаждавшегося им Херсонеса, что за Борустином» (перевод оригинала дается по: Кудрявцев 1957: 174, прим.22). Все эти деяния Плавтия Сильвана очень близко отстоят друг от друга по своей хронологии. Так, переселение им на правый берег Нижнего Дуная более чем ста тысяч «трансданувианов» обоснованно относится к 60 или 61 гг., а подавление «начинающегося движения сарматов» надежно датируется 62 г. Тогда же, судя по всему, Плавтием Сильваном царям бастарнов, роксоланов и даков были возвращены их самые близкие родственники (Шукин 1994: 216; Виноградов 1994: 165, 166).

В свое время М.Б. Щукиным была высказана очень оригинальная и не менее интересная идея о том, что в «начинающемся движении сарматов» вполне возможно видеть образование царства Фарзоя, равно как и выпуск этим царем

своей золотой монеты. Согласно последующим строкам текста эпитафии Плавтия Сильвана, исследователь намечает и расстановку основных сил на политической арене: с одной стороны — римляне, бастарны, роксоланы и даки, с другой — сарматы Фарзоя и скифы (Шукин 1989: 44, 45; он же 1994: 216). Ю.Г. Виноградов, напротив, предлагал видеть в подавленном в 62 г. Плавтием Сильваном «движении сарматов» не образование царства Фарзоя или чеканку последним своего золота, а «волнения сарматов и войну», которые упоминаются во фрагменте ольвийского почетного декрета I в. н.э., обнаруженного в процессе археологических раскопок под Мангупом в Крыму, а в Фарзое и его орде — вассалов Рима, с санкции которого и чеканились в Ольвии золотые монеты этого царя (Виноградов 1994: 166-168). Обе точки зрения являются равноценными, что, кстати, отмечает и сам М.Б. Щукин (Шукин 1995: 178), и все же первая из них представляется более заманчивой (Дзиговский 2003: 91-92, 94-97). И тогда, если исходить из вышеизложенного, отношения между даками и сарматами, на протяжении всего I в. н.э. выглядят уже не такими «безоблачными», какими представлялись вначале. Когда и при каких обстоятельствах наступает определенное «похолодание» в дако-сарматских отношениях в пределах указанного столетия, ответить крайне сложно из-за полного отсутствия информации по данному поводу в письменных источниках. Возможно, это было связано с переселением в начале второй трети – середине I в. н.э. в междуречье Тиссы и Дуная, язигов, которые своей перекочевкой в отмеченный регион создавали, таким образом, своеобразную «буферную» зону между дакийскими землями и территорией римской провинции Паннония, и в которых, скорее всего, следует видеть союзников даков во времена Августа и Тиберия. Нельзя исключать также и того, что, возможно, само появление новой сарматской орды, возглавляемой Фарзоем в Северо-Западном Причерноморье в середине I в. н.э., вызвало сначала

у даков определенную настороженность, а может быть, даже и враждебность по отношению к пришельцам. Ошибкой было бы сбрасывать со счета и конкретные действенные акции Плавтия Сильвана в 60 или 61 гг. по переселению в провинцию задунайских варваров, которые могли каким-то образом сказаться на дако-сарматских отношениях. Наконец, отдавая себе отчет в определенной умозрительности изложенных предположений, вполне возможно, что могли иметь место все три обстоятельства. Как бы там ни было, более-менее ясно одно: говорить о каких-то дружеских отношениях между даками и Фарзоем в период от времени установления его протектората над Ольвией в 49-50 либо 52-55 гг. и, по меньшей мере, до 62 г. включительно, пока не приходится.

А после 62 г., как уже отмечалось выше, в чеканке монет Фарзоя намечается определенный перерыв, и возобновляется она либо в 69 г., или в 66-67, 68-69 гг., либо 68-69, 69-70 гг.

И вот здесь начинается самое интересное, заключающееся даже не в возможном нахождении Фарзоя в плену или оккупации римлянами Ольвии в этот период (Шукин 1994: 216), что само по себе крайне важно, но еще и в том, что именно в это время, письменные источники, после достаточно длительного «молчания», начавшегося в конце правления Тиберия (свидетельство Светония), вновь начинают фиксировать вторжения сарматов в пределы римских провинций. Так, в первой книге «Истории» Тацита, в частности, повествуется, что «Роксоланы, народ Сарматского племени, изрубив прошлой зимой две когорты, с большими надеждами вторглись в Мезию числом до девяти тысяч всадников ...» (Корнелий Тацит // Латышев 1904: 247). Первый набег роксоланов в Мезию, когда было «изрублено две когорты» имел место зимой 67/68 гг., второй — зимой-ранней весной 69 гг. Синхронность возобновления чеканки золота Фарзоя и дат двух отмеченных набегов сарматов в Мезию более чем очевидна. Дальше — больше. В третьей книге

«Истории» Тацита мы находим известие о том, что в 69 г. «возмущение захватило также и племя даков, они никогда не были по-настоящему верны Риму, а после ухода войск из Мезии решили, что теперь уже совсем нечего бояться. Сперва они хранили спокойствие и только наблюдали за происходящим, когда же война заполыхала по всей Италии и армии одна за другой стали втягиваться в борьбу, даки захватили зимние лагеря пеших и конных отрядов, овладели обоими берегами Дуная и уже собирались напасть на лагерь легионов, но Муциан, получивший, тем временем сведения о победе под Кремоной и понимавший, что, если даки и германцы с разных сторон вторгнутся в пределы Империи, то ему придется иметь дело с вдвое более грозным противником, двинул против даков шестой легион» (Корнелий Тацит 1969: 118). В 70 г., как следует из четвертой книги «Истории» Тацита, «среди галлов распространился слух, будто зимние лагеря легионов в Мезии и Паннонии¹ осаждены сарматами и даками...» (там же: 169). Наконец, в том же 70 году «...до Римлян дошло известие о Скифской дерзости. Те из скифов, которые зовутся Сарматами, в большом числе тайно переправились через Истр в Мисию и потом, обрушившись с большой силой, вследствие совершенной неожиданности нападения, убивают многих из Римлян, стоявших гарнизоном и умертвляют выступившего им навстречу и храбро сражавшегося консульского легата Фонтя Агриппу; они пронесли по всей побежденной стране, уводя и унося все, с чем ни встречались. Веспасиан, узнав о случившемся и разграблении Мисии, отправляет Рубрия Галла наказывать Сарматов» (Иосиф Флавий // Латышев 1893: 483).

Насыщенность событиями, связанными между собой участием в последних как сарматов, так и даков, периода между 67-68 и 69-70 гг., как представляется, дает

¹ Слухи о вторжении в Паннонию не имели под собой оснований (Тацит 1969: Комментарий, 292)

все основания предполагать, что новый дако-сарматский союз сложился именно в указанное время и, поскольку Фарзой чеканил в Ольвии свою монету вплоть до 79-80 гг., а, следовательно, быв жив, имеется не меньше оснований допускать существование данного союза в достаточно конкретный хронологический отрезок, т.е. между 67-68 и 79-80 гг., что в свою очередь, в целом, подтверждается и фиксацией на отдельных дакийских поселениях *daiva* предметов с изображением тамги этого царя.

Дружественную по отношению к дакам политику своего предшественника Фарзоя продолжил, судя по всему, и его возможный наследник Инисмей, о чем убедительно свидетельствует находка из Окницы. В один ряд с ней как артефакты, подтверждающие существование дружественных отношений между даками и сарматами и после правления Фарзоя, по праву, могут быть поставлены и предметы из так называемого «клада» из Бузэу, по вопросу происхождения которого среди румынских исследователей ведутся столь оживленные дискуссии (см.: *Narhoiu* 1993: 41-51; ср.: *Vichir* 1996: 300-301). Данный «клад» представляет собой набор вещей, состоящий из пары золотых серег, золотого перстня, семи золотых нашивных бляшек, изготовленных в форме шестилепестковой розетки, и других, более мелких по размерам, золотых украшений (рис.2, 1-19). Серьги и нашивные бляшки находят свои практически полные аналоги среди инвентаря погребения 2, исследованного у с. Пороги, относящегося ко второй половине I в. н.э. (Симоненко, Лобай 1991: 30-31, 61; рис.19, 1, 2, 4), и, вероятно, также датируются этим временем. Однако вряд ли данные вещи происходят из богатого сарматского женского погребения (*Narhoiu* 1993: 50), так как в этом случае пришлось бы признать тот факт, что сарматы хоронили представителей своей аристократии, тем более женщин, на территории северо-восточной Мунтении, которая им была в то время абсолютно чужой, уже во второй половине I в.н.э.

А вот то обстоятельство, что расшитая золотыми бляшками женская одежда и золотые украшения могли входить, наравне с парадной экипировкой, украшенной накладкой в форме тамги Инисмея, в состав богатых подарков, которыми в знак дружбы, обменивались цари даков и сарматов, вполне возможно.

Как уже говорилось, Инисмей чеканил свою серебряную монету в Ольвии между 80 и 83 гг. Основанием для определения верхней даты чеканки его монет, а, следовательно, и его возможного протектората над этим полисом, служит свидетельство Диона Хрисостома, посетившего Ольвию в 83 г. (Латышев 1887: 147-148), который уже не отмечает, в это время, зависимости ольвиополитов от соседних варварских племен. Однако сравнительно недавно вышеупомянутая дата посещения Ольвии Дионом Хрисостомом была поставлена под обоснованное сомнение и предполагается, что он посетил полис не в 83 г., а «незадолго до 95 г.» (Виноградов 1989: 264; он же 1994: 169), что, возможно, расширяет хронологические рамки протектората Инисмея над Ольвией, как минимум, до 90 г. И тогда, в свою очередь, может быть, не следует ограничивать дако-сарматские отношения времен этого царя только лишь 80-83 гг., а предположительно датировать их 80-90 гг. В этой связи вполне логич-

ным будет видеть сохранение последних и в последующее время, если допустить принадлежность замечательных предметов сарматского вооружения, в том числе и с тамгами Инисмея, комплекса из Чаталки (Буюклиев 1995: 37-46), доставшихся фракийскому воину-аристократу в качестве трофеев, кому-то из наследников сарматского *басилевса*, которые продолжили эти отношения своим участием в дако-римских войнах 101-102 или 105-106 гг. (Дзиговский 2003: 118-128).

В завершение же, хотелось бы сказать вот о чем. На территории Польши и Норвегии известны находки наконецников германских копий с изображением тамги Фарзоя, происходящие из комплексов, датирующихся 70-170 гг. (Щукин, 1994: 230). В свою очередь, при анализе фрагмента из «Истории» Тацита, в котором повествуется о захвате в 69 г. даками «зимних лагерей пеших и конных отрядов», обращает на себя внимание то обстоятельство, что римляне в этом году опасались еще и вторжения германцев в пределы Империи. Так может быть Фарзой в период между 67 и 70 гг. установил союзнические отношения не только с даками? (подробнее см.: *Shchukin* 1994: 486, 488; *Dobrzanska* 1999: 85; *Щукин* 2004: 458; он же 2006: 175)

Бабеш М. 2003-2004. Тамга из дакийского поселения в Окнице (Буридава) // *Stratum plus*. № 4.

Буюклиев Хр. 1995. К вопросу о фракийско-сарматских отношениях в I – начале II вв. н.э. // *РА*. №1.

Виноградов Ю.Г. 1989. Политическая история Ольвийского полиса VII – I вв. до н.э. М.

Виноградов Ю.Г. 1994. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // *ВДИ*. №2.

Дзиговский А.Н. 2003. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. Одесса.

Каришковський П.Й. 1962. З історії греко-скіфських відносин у Північно-Західному Причорномор'ї (Про монети царів Фарзоя та Інєнсімея, карбовані в Ольвії) // *АП УРСР*. Т.ХІ.

Карышковский П.О. 1982. Ольвия и Рим в I в. н.э. // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. К.

Карышковский П.О. 1982а. О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. К.

Колосовская Ю.И. 1973. Паннония в I – III веках. М.

- Корнелий Тацит. 1969. История. Л.
- Кудрявцев О.В. 1957. Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М.
- Латышев В.В. 1887. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб.
- Латышев В.В. 1893. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т.1: Греческие писатели. Вып. 1. Ч.II. СПб.
- Латышев В.В. 1904. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т.II: Латинские писатели. Вып. 1. СПб.
- Симоненко А.В., Лобай Б.И. 1991. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. К.
- Сырбу В., Быркэ В. 2000. Взаимоотношения между даками и сарматами в Восточно-Карпатском регионе и на Нижнем Дунае (I в. до н.э. — I в. н.э.) // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. VIII. Запоріжжя.
- Щукин М.Б. 1982. Царство Фарзоя. Эпизод из истории Северного Причерноморья // СГЭ. XLVII.
- Щукин М.Б. 1989. На западных границах Сарматии (некоторые проблемы и задачи исследования) // Кочевники евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). Новочеркасск.
- Щукин М.Б. 1994. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. — I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.
- Щукин М.Б. 1995. Две реплики: о Фарзое и надписи из Мангупа, о царе Артавасде и погребении в Косике // ВДИ. №4.
- Щукин М.Б. 2004. Умбон из кургана «Садовый» под Новочеркасском // Археолог: детектив и мыслитель: Сборник статей, посвященный 77-летию Льва Самойловича Клейна. СПб.
- Щукин М.Б. 2006. Зубовско-Воздвиженская группа, царь Фарзой и Тур Хейердал // Liber Archeologicae: Сборник статей, посвященный 60-летию Б.А. Раева. Краснодар, Ростов-на-Дону.
- Bichir G. 1993. Date noi cu privire la patrunderea sarmaților în teritoriul geto-dacic (I) // SCIVA. №2. T.44.
- Bichir G. 1996. Date noi cu privire la patrunderea sarmaților în teritoriul geto-dacic (II) // SCIVA. №3. T.47.
- Cassii Dionis Cocceiani. 1752. Historiae Romanae. Vol.II. Hamburgi.
- Dobrzanska H. 1999. Sarmaci na ziemiach polski — mit czy rzeczywistosc? // Archeologia Polski. T.XLIV.
- Harhoiu R. 1993. «Tezaurul» de la Buzău — 1941 // SCIVA. № 1. T. 44.
- Shchukin M. 1994. Shields, swords and spears as evidence of Germanic-Sarmatian contacts and Barbarian-Roman relations // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Lublin — Marburg.

SUMMARY

The information of ancient writing tradition about Dacian and Sarmatian relationships in I century A.D. are analyzed in this article. There also epigraphic data and archeological materials are studied, which in an aggregate with the certificates of narrative sources allow to suppose, that most tight and saturated with definite dynamics on the highest political level, these relationships had place in the second half of indicated period, especially between 67-68 — 90 years, and even in the very beginning of the next century.

ПУБЛИКАЦИИ МАТЕРИАЛОВ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

